

Владимир Михайлов

Одиссея Валгуса

*Часть сборника
Люди Приземелья (сборник)*

Владимир Михайлов
Одиссея Валгуса

«Автор»

1965

Михайлов В. Д.

Одиссея Валгуса / В. Д. Михайлов — «Автор», 1965

«Вдалеке горели костры. Если человек давно не встречал людей, у него в глазах поселяется темная тоска. Но он разводит костер, и одиночество отступает. И человек протягивает руки к огню, как протягивает их другу. Огонь сродни человеку. Он течет по жилам, пылает в мозгу и блестит в глазах. Люди любят глядеть в пламя; они видят там прошлое и угадывают будущее. Если же человек – бродяга, он любит огонь еще и за вечную изменчивость горячей судьбы...»

© Михайлов В. Д., 1965

© Автор, 1965

Владимир Михайлов

Одиссея Валгуса

Вдалеке горели костры.

Если человек давно не встречал людей, у него в глазах поселяется темная тоска. Но он разводит костер, и одиночество отступает. И человек протягивает руки к огню, как протягивает их другу.

Огонь сродни человеку. Он течет по жилам, пылает в мозгу и блестит в глазах. Люди любят глядеть в пламя; они видят там прошлое и угадывают будущее. Если же человек – бродяга, он любит огонь еще и за вечную изменчивость горячей судьбы.

А здесь не из чего даже развести костер.

Когда-то это было просто. Хворост хрустел под ногами, сухие стволы бросались поперек тропы, нетерпеливо ожидая той минуты, когда им будет дано унести в небо языком яркой плазмы. Так было в лесах Земли и в других лесах.

Что же, бродяга, иди своей дорогой. Тоскуй по огню костров и ночлегу в траве, вспоминай, как это было хорошо, думай, как хорошо еще будет. Иди и грейся у огня далеких звезд, пока нет земного пламени, пока ты один...

«Вот черт, – подумал Валгус. – Какую лирику развел, а? Сдаешь, бродяга. И поделом: характер у тебя не для компании. Да ты даже и не один. Еще есть этот... кстати, что он там?»

– Одиссей! – негромко сказал Валгус. – Давайте текст.

Последовала секундная пауза. Затем послышался холодный безразличный голос:

– Окисление шло медленно. Реакция не стабилизировалась. Выделявшейся энергии было слишком мало, чтобы обеспечить нормальное течение процесса. Можно предположить, что окислявшаяся органика содержала слишком много воды, поглощавшей тепло и тем самым мешавшей развитию реакции...

– Стоп! – сказал Валгус. – Этого достаточно. Бессмертные боги, какая ужасная, непроходимая, дремучая, несусветная чушь! От нее уши начинают расти внутрь. Понял, Одиссей?

– Не понял.

– В этом-то и несчастье. Я просил тебя перевести маленький кусочек художественного текста. А ты что нагородил? Понял?

– Я понял. Описанный способ поднятия температуры воздуха существовал в древности. Были специальные сооружения – устройства, аппараты, установки – в жилищах. В них происходила экзотермическая реакция окисления топливных элементов, приготовленных из крупных растений путем измельчения. В данном тексте говорится о поднятии температуры воздуха. Дается начальная стадия процесса. Текст некорректен. Воздух нагревается вне помещения. Чтобы таким способом поднять температуру воздуха на планете, нужно затратить один запятая восемь на десять в...

– Да, – грустно молвил Валгус. – Но в тексте просто сказано, что костер не разгорался – дрова были сырыми. И все. Употребить архаизмы «дрова» и «костер», и дело с концом. А?

– Я не знаю архаизмов, – скрипуче пробормотал Одиссей.

– Он не знает архаизмов, бедняга. Ах, скажите... А фундаментальная память?

– Ее надо подключить. Я не могу сделать этого сам.

– Ага, – проговорил Валгус, раздумывая. – Значит, подключить фундаментальную память? А что ж, это, пожалуй, справедливо. Может быть, я так и сделаю. Я сделал бы это даже сию минуту, если бы ты после этого смог мне сказать, почему не возвращаются корабли... – Валгус помолчал. – Почему они взрываются, если они взрываются. А если остаются целыми, то что же, в конце концов, с ними происходит? Кто здесь мешает со своими чудесами? Я

тебе завидую, Одиссей: ты-то разберешься в этом очень скоро. Хотя – куда уж твоим холодным мозгам...

«Вот станет излучать Туманность Дор, когда ему придется прослушивать эти записи, – подумал Валгус между прочим. – Ну и пусть излучает. Могу же я себе позволить...»

– Впрочем, – сказал он громко, – завидовать тебе, Одиссей, не стоит. Может быть, ты действительно просто взорвешься. Этого себе не пожелаешь. А?

Одиссей презрительно молчал. Валгус пожал плечами.

– Ну-ну... Только до сих пор в природе взрывы всегда сопровождались выделением энергии. А наши эксперименты, наоборот, дают ее исчезновение. Назло всем законам. Исчезает корабль и почти вся энергия с ним. Слабенькая вспышка – и больше ничего. Тебе понятно?

– Не понял, – без выражения произнес Одиссей.

– Не ты один. А вот я должен был уразуметь, в чем тут дело. И проверить. Вернее, проверить-то придется тебе. Мое дело – попросту принести тебя в жертву. В твои бы времена, Одиссей, заклали быков. Времена изменились... – Валгус помолчал. – Так включить тебе память? Нет, лучше сначала скажи, как дела.

– Я в норме, – отчеканил Одиссей. – Все механизмы и устройства в порядке.

– Программа ясна?

– По команде искать наиболее свободное от вещества направление. Лечь на курс. Увеличивать скорость. В момент «Т» включить генераторы. Освободить энергию в виде направленного излучения. Через полчаса снять ускорение и ждать команды.

Одиссей умолк. Наступила тишина. Только неторопливо щелкал индикатор накопителя: ток... ток... ток... Валгус прошелся по рубке, упруго отталкиваясь от пола. Пилот задумчиво смотрел перед собой, схватив пальцами подбородок.

– Уж куда как ясна программа... Итак, нам с тобой, ущербный мой спутник, предстоит...

Но даже объяснить, что именно предстояло, было, по-видимому, достаточно трудно, и Валгус не стал продолжать. Еще несколько минут он колесил по просторному помещению, все так же сжимая пальцами подбородок. Затем приостановился, медленно покачиваясь на каблуках.

– И ты взорвешься – или уйдешь туда. В надпространство. В последнем эксперименте расплылся «Арго». Или все-таки ушел? Первую часть программы он выполнил точно, но вторую... Так или иначе, назад он не вернулся. Прекрасный корабль – «Арго». Разве что у него было четыре приданных двигателя, а у тебя пять... Не вернулся. Хорошо – включу тебе память. Совершенствуйся, постигай непостижимое. Может быть, хоть тогда ты начнешь разговаривать по-человечески. Иначе мы с тобой каши не сварим... Кстати, что сегодня на обед?

– Меню четыре, – сказал Одиссей.

– Хоть поем в свое удовольствие, – пробормотал Валгус. – Невинные радости бытия... Так ты говоришь, память? Пусть так... Ты знал, что просить. Но все равно, тебе придется идти на прорыв... Корабли не возвращаются, в этом вся история. А потом болтаться на шлюпке и ждать, пока тебя подберут – невеселая перспектива. Что я, лодочник? И вообще, лишь стоит об этом подумать, как сразу хочется верить, что обладаешь бессмертной душой, которой не страшны взрывы. Пусть память, ладно...

Валгус, не торопясь, шел по коридору. Он намеренно избрал самый длинный путь в библиотеку, где надо было включить фундаментальную память. Валгус любил ходить по коридору. Длинная труба звала ускорить шаг, но Валгус сдерживался, чтобы продлить удовольствие, которое давала ходьба.

Сначала он шел своим обычным шагом, легким и упругим. Потом зашагал шире, чуть покачиваясь. Сколько хожено таким шагом по земным дорогам, по лесным тропам, боже ты мой, и когда это успелось? А когда еще придется?.. Эта мысль не понравилась Валгусу, и он сменил шаг на спортивный. Словно бы здесь был не коридор, а дорожка стадиона, и он еще

где-то на средних курсах Звездного, и все, что уже было, еще только предстоит... Третий курс. Стоп.

Он опять переменял походку. Пошел медленно, как ходят, когда меньше всего собираются торопиться... Обычно так шагают не в одиночку, и Валгус даже покосился вправо. Нет, друг мой, не смотри вправо, там никого нет. Смотри лучше влево, это полезнее.

Вдоль левой стены были установлены устройства. Откидывая крышки кожухов, Валгус взглядом проверял готовность терпеливо ждущих нужного момента магнитографов, астро-спектровизоров, стереокамер, экспресс-реакторов и всего прочего, придуманного хитроумным человечеством, чтобы не пропустить момента, когда будет проломлена стенка трех измерений, и корабль нырнет в неизвестное и непонятное надпространство.

И нырнет-то без тебя. Всегда все предпочитают обходиться без тебя. Такой уж у тебя характер. А кто виноват? Ну, хорошо, ты – бродяга. Не совсем свой на Земле. Таких, как ты, породило время. Мы – неизбежные издержки эпохи; время не всегда ласково к отдельным людям. Мы – бродяги, испытатели и экспериментаторы, мы летаем в одиночестве, наедине со Вселенной и своими мыслями, и отнюдь не привыкаем здесь к обходительности, не учимся терпимости к чужим слабостям. Такова наша жизнь. Считанные рейсы – и жизнь вся; рейсы длятся годами, и кому дело до того, что в тебе осталось слов еще на целые десятилетия? Здесь можно поговорить лишь с Одиссеем, но это – скучно. И то он скоро нырнет – и исчезнет.

Если только нырнет. Всегда казалось, что корабли проламывают стенку и уходят в надпространство. И не возвращаются...

Коридор кончился. Ничего себе коридорчик, добрых полкилометра длиной. Валгус не без усилий отворил тяжелую дверь. Отсек обеспечения автоматики; его проверка тоже входит в план подготовки к эксперименту. Здесь было тесно. Ни лишнего места, ни лишних механизмов. Но и в тех, что были необходимы, разобраться с первого взгляда казалось совершенно невозможным.

И все-таки – почему? Но гадать не стоит. В наше время не гадают. Когда заходит в тупик теория – летят на место и собирают факты. Собирают факты и теряют корабли. От тебя требуется одно: новые факты. Никто не ожидает новых гипотез. Никто не спросит, почему. Спросят лишь – как.

Ну, на это ответить будет несложно. До поры до времени все станут записывать устройства – эти самые и еще установленные на шлюпке. А вот что произойдет дальше?

«Хотел бы я, – подумал Валгус, – угадать, что будет дальше. Но я не могу. И он не знает, технически гениальный Одиссей, который хочет иметь и фундаментальную память. И никто вообще понятия не имеет. Да, хотел бы я все-таки знать... Впрочем, любопытство губило многих, а мне вовсе неохота попасть в их компанию. Мне еще хочется полетать, риск же хорош лишь в пределах разумного».

Он сидел на ступеньках трапа, ведущего во второй ярус отсека обеспечения автоматики. Размышлял, удобно оперев подбородок на ладонь.

Все-таки – взрывы это или нет? Туманность Дор (в миру – академик Дормидонтов) клянется, что нет. И тем не менее корабли взрывались. Откуда бы иначе братья вспышкам? Жаль этого бедного, туповатого Одиссея. Что с него взять – он ведь не человеческий, а всего лишь корабельный мозг. Но какой пилот не жалеет корабли? Они почти живые... Так на чем мы остановились? На том, с чего начали.

Вздыхнув, Валгус поднялся со ступеньки. Вышел в коридор, затворил за собой дверь и тщательно, до отказа закрутил маховик.

– Ну, сюда больше ходить незачем. Расстанемся. А уж если не расстанемся...

В самом деле, а если не расстанемся? Вдруг что-нибудь... мало ли – может отказать шлюпка. В последний момент. Был когда-то такой случай. Пилоту удалось затормозить вовремя. Могло и не выйти.

– Ну если не расстанемся, то сюда, пожалуй, заглянет на миг моя бессмертная душа...

Он сам перебил себя внезапным смешком, потому что ему представилось, как его гипотетическая бессмертная душа, голенькая и смущенная, будет жаться в угол и недоуменно поглядывать на поросшие махровым инеем колонны криогеноз или на бокастые сундуки катапультного устройства. Это было действительно смешно, и он еще весело кашлял, входя в библиотеку. Так он смеялся. А что? Все равно, никто не слышит.

Здесь было удобно, уютно – как на Земле. Стояли глубокие кресла, несколько кресел, а он, Валгус, – один. Пришлось по очереди посидеть в каждом кресле – ни одному не обидно.

Просто странно, как бывает нечего делать перед началом эксперимента. Наибездельнейшее время во всем рейсе... Взгляд Валгуса скользнул по записям в гнездах, занимавших переборку. В них была собрана, как говорится, вся мудрость мира. Ну не вся, конечно... Но для Одиссея вполне достаточно. Удобная библиотека, доступная и человеку, и решающему устройству на криотронах, устройству по имени Одиссей.

Вот мы это и используем. Увеличим нагрузку на Одиссея. Зачем? Да просто так. Для работы фундаментальная память Одиссею в этом рейсе не нужна. Она – на случай, если устройству придется решать специальные задачи. Как это было, например... Ну, что было, то было. Просто с Одиссеем будет приятнее разговаривать. Он чуть больше начнет смахивать на человека. И нет никого, кто бы запретил Валгусу делать это. А уж кто-нибудь обязательно запретил бы. Подключать фундаментальную память без необходимости не рекомендуется. И дело не в увеличении нагрузки. Дело в том, что, хотя машину конструировали и изготавливали люди и люди же заложили в нее определенные свойства, но иногда с этими устройствами бывает так: наряду с десятью известными, наперед заданными свойствами ты, сам того не зная, закладываешь в него одиннадцатое, неизвестное и непредусмотренное, а потом сам же удивляешься: почему машина поступает так, а не иначе.

Впрочем, к фундаментальной памяти это не относится. Так что включим ее, не мудрствуя лукаво...

Валгус повернул переключатель, присоединявший всю память библиотеки к контактам Одиссея. Пусть теперь просвещается в области литературы, пусть занимается человековедением. Кстати, это не отнимет у него много времени. Вот исчезнувший неизвестно как «Арго», наверное, так и взорвался, не обогатив себя знанием литературы. Может, ему от этого было легче взрываться?

Валгус уселся в последнее кресло, подле экрана. На нем были все те же звезды в трехмерном пространстве. Привычный пейзаж. Сфера неподвижных звезд, – как выражались древние... Звезды и в самом деле оставались неподвижными, хотя скорость «Одиссея» была не так уж мала... Неподвижны.

Валгус вдруг собрался в комок, даже поджал ноги.

Звезды были неподвижны – за исключением одной. Она двигалась. И быстро. Перемещалась на фоне остальных. Становилась ярче. Что такое?!

Он проделал все, что полагалось, стараясь убедиться, что не спит. Да нет, он вовсе не собирался спать – теперь меньше, чем когда бы то ни было. А звезда двигалась. Светящееся тело. Но тут – не Солнечная система, где любой булыжник в пространстве может блистать, отражая лучи Подателя Жизни. Нет, здесь уж если тело сверкает, то без обмана. Да оно и движется к тому же. Это, конечно, не звезда. А что? Район закрыт для кораблей. Заведомо пуст. Чист для эксперимента. А что-то горит. Плывет такой огонек... Огонек?

Валгус вплотную придвинулся к экрану, прижался к нему, хотя и незачем было. Но все же... Нет, не один огонек. Один ярче, два послабее. Треугольником. И чуть подальше – еще два. Что-то напоминает ему эта фигура. Что-то, сто раз виденное. Ну? Ну?

Он вспомнил. Это было видано даже не сто раз. Больше. Один ярче, два послабее, и дальше – еще два. Навигационные огни. Его собственные навигационные огни. Глаз уже угадывал и контуры корабля – контуры «Одиссея». Валгус задрал брови и выпятил нижнюю губу.

Это что же значит? Он, Валгус, сидит в библиотеке корабля, и видит его со стороны. Не его, конечно, – отражение. Пилот, летя над Землей, может видеть тень своего самолета на облаках или на поверхности планеты. В воздухе могут возникать миражи, в том числе и отражения. А здесь, в добротной пустоте?

Вот оно, открытие, Валгус. А ты тосковал... До этого не додумался бы даже Туманность Дор. Не говоря о фантастах, которые, как известно всем, читающим газеты, вообще ничего придумать не в состоянии. Газеты приходят к такому выводу всякий раз, как совершается событие, о котором фантасты бросили писать уже лет сто назад. Ну это их дело... Но вот такое отражение? В чем отражается «Одиссей»? Ну-ка, напряги мозги...

А ведь это «Одиссей», нет сомнения. Как хорошо! Ведь до сих пор ни разу не приходилось увидеть свой корабль со стороны в полете. Это видели другие, и у них захватывало дух и пробивались слезы, когда «Одиссей» начинал разгон, и базовый корабль или Большой Космостарт растворялись в прошлом. Но для самого Валгуса в эти минуты существовало только ускорение, перегрузки и бешеный трепак индикаторов и стрелок. А вот теперь...

Тебе повезло, Валгус, бешено повезло. Не говоря уже о том, что это – открытие высшего класса, это просто красиво. Стремительное, вытянутое тело корабля, рвущееся все дальше и дальше к далеким звездам. Каким внушительным выглядит отсюда защитный экран... Вот небольшое вздутие жилой группы, ошестинившееся антеннами генераторов ТД. А дальше – длинная труба коридора, утолщение двигательной группы и на размашистых фермах – приданные. Строго, красиво, целесообразно настолько, что даже эти приданные двигатели не портят облик корабля, не делают его тяжелым или неуклюжим. Хотя их целых пять, этих двигателей...

«Четыре, Валгус, четыре, – подсказал здравый смысл. – Откуда пять, когда их всего четыре?».

Валгус еще раз пересчитал. Что за черт... До пяти-то досчитать нетрудно, но ведь здесь и вправду – всего четыре приданных двигателя на четырех фермах, а не пять на пяти! Значит?..

Значит, это не «Одиссей». Только и всего. Это другой корабль. Идет параллельным курсом. А? Откуда здесь корабль?

Валгус дышал хрипло, словно после небывалого усилия. Громоотвод и молнии! Бесмертные боги, покровители галактических дураков! Вакуум-головы, великие раззявы мироздания! Он же мог приступить к опаснейшему эксперименту, а тут – вот, пожалуйста – разгуливают себе корабли с ротовеями на борту. Лезут, ничтоже сумняшеся, в статистику несчастных случаев. Прямо-таки рвутся. Нет, командир их поступит очень разумно, если постарается не встречаться с Валгусом на Земле. Впрочем, зачем ждать встречи, когда и сейчас можно выйти на связь с этим адмиралом разгильдяев и сказать кое-что о людях, путающих командирское кресло с детской посудинкой...

Извергая на головы разгильдяев все новые проклятия – а их немало поднакопилось за время полета, просто не на кого было излить их, – Валгус кинулся к двери. Он уже затворил ее за собой, когда в библиотеке – ему показалось – что-то негромко щелкнуло. Валгус торопился, разноцветные словечки и выражения, многоступенчатые, как давние корабли, кишели в мозгу и просились в эфир. Однако приросшая к характеру Валгуса за долгие годы полетов привычка больше всего заниматься мелочами заставила его вернуться.

Очевидно, он не довернул переключатель: фундаментальная память оказалась отсоединенной. Валгус снова включил ее, тщательно и аккуратно, и направился к выходу. На этот раз неторопливо: все равно, из зоны устойчивой связи этот лихач Млечного Пути так скоро не выйдет.

На этот раз щелкнуло, когда Валгус только что взялся за ручку двери, и он обернулся так быстро, что ему самому стало ясно: он ждал этого щелчка. Да, Одиссей упрямо отказывался от подключения фундаментальной памяти. Тот самый Одиссей, который не далее как час назад прямо изнывал без нее. Не начал ли сказываться какой-нибудь неучтенный эффект? Это самое одиннадцатое свойство?.. Одиссей отказывается! Смешно, как будто горсть криотронов может отказываться или не отказываться... Да, кто-то лезет со своими чудесами, кому-то не терпится попасть в боги.

Ехидно улыбаясь, Валгус на этот раз уж постарался закрепить переключатель так, чтобы было невозможно нарушить контакт. Вот так-то; на корабле один хозяин, и имя ему – Валгус. А вне корабля?

На экране пять огоньков независимо скользили между звезд, неизвестный корабль по-прежнему ковылял параллельным курсом. Как будто ему было задано сопровождать «Одиссей» на штурм пространства. Ерунда, такого поручения не было дано никому, Валгус это знал совершенно точно. Нет, это дремучий ротозей. А что тут делать хотя бы и ротозею?

Валгус вошел в рубку, откашливаясь для предстоящего разговора и стараясь выглядеть все же спокойно. Так уж полагалось, хотя если бы даже Одиссеей было и не все равно, как выглядит пилот, корабельный мозг так или иначе этого бы не увидел: внутренних оптических рецепторов у него за ненадобностью установлено не было. Просто командир корабля всегда должен быть спокойным. И Валгус неторопливо включил видеоустройства, покрутил рукоятки, разыскивая чужой корабль. Ротозейское корыто болталось на старом месте, но устройства в рубке были куда мощнее библиотечных, и можно было различить не только контур. Если бы такое же усиление было в библиотеке, Валгус и там не принял бы корабль за «Одиссей».

Да, это была почти однотипная с ним машина последнего выпуска. На широко разнесенных фермах у нее действительно было не пять приданных двигателей, а всего четыре, но зато выходы генераторов ТД – теперь это было ясно видно – торчали не только на жилой группе, но и на прилегающем участке коридора. Такой корабль в известной человеку части Вселенной был только один. А именно – тот самый «Арго», который не вернулся из эксперимента полгода тому назад.

Валгус жалобно засмеялся. «Арго». Так... Что еще произойдет сегодня? Он кашлял, скрипел и давился смехом, потом внезапно смолк. Одиссей тоже вроде бы посмеивался – он мигал индикаторами связи. Переговаривался с «Арго»? Но если даже это действительно корабль, то уж людей на нем быть никак не может. Что же это мигает? Ни в какую азбуку не укладывается... Обычно по индикаторам можно с легкостью разобрать, что говорят, что отвечают. Здесь – какая-то бессмыслица. И тем не менее работает именно связь. Мой идиот Одиссей переговаривается... А ну-ка, я вызову этот призрак сам...

Валгус уселся за связь. Он вызывал долго, все более ожесточаясь. Как и следовало ожидать, никто даже не подумал отозваться. Сорвать злость оказалось абсолютно не на ком. Разве что на себе самом, но это было бы уж и вовсе бессмысленно. Ишь ты, Валгус, как ты сдержан сам с собой. С товарищами-то не всегда... Далеко они сейчас, товарищи...

В общем, все понятно. Вот к чему приводит чересчур упорное мудрствование в одиночку на тему – куда деваются корабли, взрываются или уходят в надпространство. Галлюцинация, Валгус, вот как это называется. Мы сделаем вот что: сфотографируем этот участок пространства. И пойдем спать. Необходимо отдохнуть, если уж дело зашло так далеко. А эксперимента сегодня не будет. Никто от этого не умрет, а хорошо выспаться – половина успеха...

Он сфотографировал этот участок пространства. Обработать снимки можно будет потом, а сейчас действительно очень хочется спать. Да на снимках и не окажется ничего: оптика не галлюцинирует. Пойдем в каюту...

Но Валгус чувствовал себя все еще чересчур возбужденным, пульс зло колотился в висках. Так, пожалуй, не уснешь. Надо заняться чем-нибудь таким – простым, легким... Хотя бы

проверить шлюпку, вот что. От нечего делать – и, понятно, для спокойствия. Чтобы уже завтра не случилось ничего такого.

Валгус усмехнулся. Ладно уж, не делай вид, что вспомнил о шлюпке просто так. Я-то тебя знаю, вселенский бродяга. Риск – в пределах разумного...

Шлюпка была наверху. Пришлось подняться по широкому, пологому трапу, рассчитанному на то, чтобы по нему можно было пробегать, ни за что не зацепляясь, даже в самые суматошные минуты полета. Вот люк был узковат. Шлюпка есть шлюпка, такой небольшой космический кораблик на одного человека. После начала эксперимента ты будешь спасаться на нем, пока Одиссей станет ломиться в надпространство.

Валгус, как и полагалось по инструкции, осмотрел шлюпку снаружи, вручную провернул освобождающий механизм, прямо-таки обнюхал катапульту, затем забрался внутрь, в тесноватую рубку. И здесь все было в порядке. Шлюпка уже сейчас, кажется, делала стойку – только скамандуй, и она кинется вперед и унесет тебя подальше от опасностей, от возможности взрыва... Да, все в порядке. А у Валгуса и не бывает иначе. Минимум риска. И – инструкции: их надо выполнять, они указывают нам, что следует делать. Вот только никто не указывает, как не взорваться...

Опять ты об этом, distinguished бродяга! Хватит на сегодня, иначе тебе снова начнут мерещиться мертвые корабли. Не надо. Осмотрел шлюпку – прекрасно. Иди, ложись спать.

Возвращаясь, Валгус не забыл проверить, надежно ли заперты отсеки с аппаратурой ТД. ТД – так сокращенно именовался Туманность Дор, а его аппаратура – это были скромные машинки по полторы тонны весом, те самые генераторы, при помощи которых корабль будет пытаться изогнуть вокруг себя пространство и проломить или прорвать его. Прямо-таки скучно, но и здесь никакого беспорядка не было. Одиссей знал свое дело. Правда, он не знал ничего другого. Например, что вовсе не так уж сильно хочется оставлять его одного в решающий момент...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.